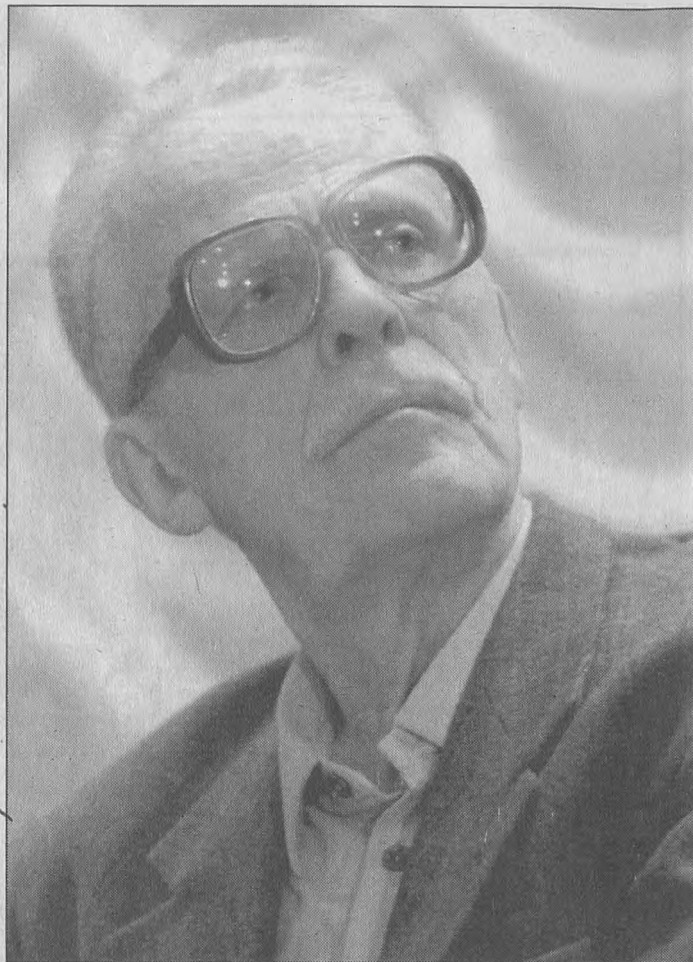

Борису Васильеву предлагали написать продолжение культового фильма «Офицеры», но он отказался. А вот «А зори здесь тихие...» скоро выйдут в новой версии.

- Борис Львович, пожилые люди, как правило, очень консервативны, а вы, вижу, в свои семьдесят девять лет работаете на компьютере. Давно его освоили?

- Двадцать с лишним лет назад. До этого я писал исключительно ручкой, но преимущество компьютера понял сразу. На нем работаете очень легко. Вот только печатаю я медленно, двумя пальцами.

- Вы как-то признались, что писателем стали исключительно благодаря своей супруге Зоре Альбертовне?..

- Так и есть... У меня уже было несколько пьес и сценариев, я вступил в Союз кинематографистов, а мечтал писать прозу. Зоря сказала: «Надо писать. Как-нибудь уж проживем». И жили мы года три исключительно на Зорину зарплату в 95 рублей. Времена были тяжелые, помню, пачка сигарет стоила семь копеек, но курил я тогда, чтобы сэкономить, крайне мало. Я хотел написать не о той войне, про которую было написано в книжках, где все легко и просто, а небольшие трудности быстро преодолеваются, а о

войне, которую видел сам. О той войне, где страшно, где человек не понимает, что происходит вокруг, где единственная цель - убить немца, иначе тот убьет тебя.

- Жена, наверное, первый читает ваши рукописи?

- Конечно, жена - мой первый редактор и главный критик. Замечаний она делает много, и ко всем я отношусь крайне внимательно.

- Где вы с ней познакомились?

- В бронетанковой академии, где мы вместе учились во время войны. Зоря всегда была отличницей и на нашем курсе была единственным Ленинским стипендиатом. Кстати, поженились мы в 1946 году.

- Интересно, а на кого девушек в бронетанковой академии учили?

- На специалистов для военных приемок, для работы в технических комитетах. А я учился на водителя-испытателя боевых машин.

- Ваши первые пьесы ставились?

- Конечно. Первая называлась «Офицер», была поставлена в Театре Советской ар-

мии в 1956 году. Выдержала она ровно два представления. Сняла ее солидная комиссия из политуправления, а рассказывалось в пьесе о конфликте старого и молодого поколения офицеров.

- По каким причинам ее запретили?

- Причин мне не объясняли, просто поставили перед фактом и все.

- Сильно расстроились?

- Поначалу сильно, но быстро выяснилось, что все шло к лучшему. Меня вызвал известный драматург Николай Погодин, признался, что ему очень понравилась моя пьеса, и предложил поступать в сценарную мастерскую при Госкино. Что я с радостью и сделал. Первый же мой сценарий «Очередной рейс», рассказывающий о шоферских буднях, был принят и воплощен в жизнь.

- Как вы работали с Кириллом Раппопортом над сценарием фильма «Офицеры»?

честно признаюсь, хлебнул я с ними немало лиха. Я несколько отчаянных рапортов написал, пока меня от этой команды избавили.

- Повесть в издательствах долго пробивали?

- Да я с ней вообще никуда не ходил. Вложил в конверт и отправил в журнал «Юность». Через неделю меня в шесть утра разбудил звонок, и взволнованный голос сказал, что повесть выйдет в ближайшем номере.

- Новые сценарии пишете?

- Нет. Было предложение продолжить «Офицеров», но я отказался. Не знаю я сегодняшнюю армию, о чем писать буду? А вот «А зори здесь тихие...» скоро, видимо, выйдут в новой версии.

- Кто будет римейк снимать?

- Китайцы!

- Вы не шутите?

- Какие шутки. В Китае «Зори» уже давно входят в школьную программу. Теперь

важные, блестяще обученные ближнему бою.

Утром проснулись от оглушительной пальбы. Оказалось, немцы прорвали фронт, и мы оказались в окружении. Мое счастье, что было это на моей родной Смоленщине. Я сразу сообразил, что идти нужно на ныне печально знаменитую Катюнь. Шли мы по лесам, куда немцы не совались. Отряд я вывел, а вот винтовку при переправе утопил. Вышли к своим, добрались в итоге до Смоленска. Там попадали прямо на улице, устали невероятно. На следующий день вновь были на фронте.

Как-то я рассказал эту историю писателю Евгению Воробьеву, и он воскликнул: «Это ты в спортивных штанах из окружения вышел и маме просил позвонить! Так я тогда позвонил!» Почти сразу попал во второе окружение, которое было очень долгим. Старшим у нас был лейтенант Володя, строгий, подтянутый. А ведь тогда наши офицеры и погоны с себя сры-

нул. Здесь нет столичного шума и суеты, да и зори действительно тихие.

- Участок у вас большой?

- Соток тридцать, но для хозяйства можно использовать соток шесть. Остальная территория - большое болото. Хорошо, нам ребята помогли - навозили землю. Выращиваем только огурцы и помидоры в парниках и различную зеленушку. Ну и цветов у нас много. Пруд на участке есть, в котором караси золотистые живут, но я их в последнее время крайне редко ловлю.

- Зато вы, наверное, охотник, если у вас такая шикарная медвежья шкура веранду украшает?

- Шкуру мне в Завидове подарили. А охотился я всего один раз, с отцом, когда мне было лет восемь. Помню, папа подстрелил зайца, а тот истекал кровью и плакал... Впечатление от этого было настолько сильным, что оно не изгладилось и до сих пор.

ТИХИЕ ЗОРИ

- Сценарий писал я, но для двухсерийного фильма. Мне предложили сократить его вдвое и убрать все эпизоды, связанные с лагерями. А я не смог по живому резать и попросил это сделать моего друга Кирилла. Кира все аккуратно сделал, каждую сцену со мной согласовывал.

- Для вас было сюрпризом, что «Офицеры» стали культовой картиной, которую часто показывают и сейчас?

- Я знал, что написал сценарий крепкой военной мелодрамы, но такого успеха, конечно, не предвидел. Думаю, фильм стал популярным благодаря блестящей игре Жоры Юматова и Васи Ланового. От них уже третье поколение женщин млеет. С Жорой Юматовым мы близкими друзьями были...

- Как вы пришли к сюжету своей первой повести «А зори здесь тихие...»?

- Замысел сложился из двух составляющих: из маленькой заметки, рассказывающей о том, как сержант со взводом негодных к строевой службе бойцов сдерживал прорыв немцев, и из личного опыта.

- А в чем этот личный опыт, если не секрет, состоял?

- В девятнадцать лет во время войны я окончил полковую школу и меня назначили командиром женского взвода. Все мои подчиненные были на два-три года старше меня, и

же по «Зорям» китайцы решили снять сериал из 20 серий.

- Читал, что вы два раза были в окружении. Не расскажете об этом?

- Речь Сталина 3 июля я слушал перед погрузкой в эшелон. Меня определили в истребительный отряд и направили в мой родной Смоленск, чтобы контролировать погрузку документов. До сих пор помню хмурого, невыспавшегося, злого подполковника в городе Красном. Узнав о нашем прибытии, он сказал, что документы подождут, а у него бойцов не хватает. Нам немедленно выдали оружие и поставили в строй. Я получил СВТ - самозарядную винтовку Токарева. Забавная была штука, которая создавалась исключительно для парадов. На землю класть ее было нельзя, обязательно после этого ствол у нее перекашивало.

- Первый бой помните?

- Такое не забывается. Прибегает к нам взмыленный лейтенант. Немцы, говорит, десант высадили, надо его найти и уничтожить. Дали нам боевого сержанта и отправили на поиски. Сержант привел нас к мосту и поставил от диверсантов обороняться. Как потом я понял, пожалел он нас, семнадцатилетних перепуганных мальчишек, в бой бросать. К немцам принято снисходительно относиться, а они, между прочим, были отличные во-яки, смелые, дисциплиниро-

вали, стрелялись. В конечном итоге нас собралось восемьдесят два человека. Вооружались мы кто как мог. Я пистолетом ТТ обзавелся. Выломал его из рук застрелившегося майора - жуткое было зрелище, до сей поры этот опухший труп забыть не могу. Вышли с боем под станцией Глинка, ударили немцам в спину - и к своим в окопы. Там меня вызвал полковник, вручил литер и хотел отправить доучиваться. Я сказал, что не поеду, я с немцами уже повоевал. Напросился в полковую кавалерийскую школу, затем выучился на пулеметчика. Стал старшим сержантом. Тогда-то я взвод девочек и готовил. Наконец, определили меня в десантный полк. Шесть учебных прыжков было. Седьмой - боевой.

Ночью нас подняли, сбросили под Вязьмой. Мне до сих пор снятся сероватый туман, скат к речке, блестящий от мороза, лоза, у которой еще не вытаяли верхушки. Нормально приземлились. А потом - пламя перед глазами, и очнулся я уже в госпитале.

- Давно на жительство в Солнечногорский район переехали?

- Лет десять назад. Дачу мы купили в 1972 году, но некоторое время приезжали сюда только на лето. О своей даче я всю жизнь мечтал. Мы с женой много мест в Подмосковье объездили, а приехали сюда, и дом нам сразу пригля-

- Над чем сейчас работаете...

- Пишу исторические романы. Недавно закончил книгу про княгиню Ольгу, готовлю новый роман о Святославе.

- Трудно ли сейчас издаваться?

- У меня проблем нет. Я сотрудничаю с «Вагриусом». В «Вече» вот двухтомник моей военной прозы готовится. На днях отобрал прозу для тома «Избранное», который, видимо, выйдет в шикарном подарочном издании.

- Пишете быстро?

- Не очень, по три-четыре странички в день получается.

- Как проходит ваш день?

- Утром гуляю с собакой, завтракаю. До обеда пишу, затем час сплю, сажусь править то, что написал утром. Вечером смотрю по телевизору новости и старые отечественные фильмы.

- В будущем году вам исполнится восемьдесят лет. Скажите, меняется ли с возрастом ваше мировоззрение?

- А как же иначе! Однако уверяю вас, что стариком я себя не ощущаю. Наоборот, такое впечатление, что я приближаюсь к детству. Восприятие окружающего мира становится с годами все острее и острее. Я вот на Пятой симфонии Чайковского плакать всегда начинаю и не могу понять, почему это происходит.

Беседу вел
Алексей БЕЛЫЙ